

// Вісник Харківського національного університету. Серія Романогерманська філологія. – 2004. – №636. – С. 115-119.

КОНЦЕПТ И КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ КАТЕГОРИЯ: К ПРОБЛЕМЕ РАЗГРАНИЧЕНИЯ ПОНЯТИЙ

Морозова Е.И., канд. филол. наук (Харьков)

Соотнесение значения лингвистических единиц с опытом человека приобретает особую актуальность в свете задач антропоцентрически ориентированного языкознания. На решение данной проблемы направлены, в частности, усилия когнитивной семантики, которая представляет собой одно из динамично развивающихся направлений современной лингвистики, концептуальный аппарат которой окончательно не сформировался. Рассматриваемые в данной статье понятия «концепт» и «категория» относятся к числу ее ключевых терминов.

В русскоязычной научной литературе имеется целый ряд развернутых определений термина «концепт» [2; 3; 4; 7; 8; 9; 10; 11; 12; 13; 14; 18; 19; 20; 21; 22 и др.], которые могут быть условно разделены на две большие группы, соответствующие двум основным направлениям в его исследовании – лингвистическому и культурологическому. Г. Г. Слышкин отмечает, что лингвистические и культурологические дефиниции концепта, различающиеся по способам его реконструкции, «не являются взаимоисключающими, но лишь подчеркивающими различные стороны формирования концепта» [20: 10], т.е. данные лингвистики и культурологии соизмеримы и сопоставимы (см. принцип «триангуляции» (triangulation), или «разнообразие методов» (diversity of method) [16:105; 32:234]). Данное утверждение вполне справедливо, но только при условии, что исследователи, работающие в различных областях, вкладывают в этот термин сходное содержание. Однако З. Д. Попова и И. А. Стернин отмечают, что

употребление термина «концепт» сегодня нередко носит «лозунговый» характер [19:15], в результате чего «содержание понятий расплывается, лишается всякого смысла, не ясен ни конкретный предмет, ни инструмент или метод исследования» [19:16]. Целью данной статьи является определение нашего понимания термина «концепт», что обуславливает, в первую очередь, необходимость его соотнесения с термином «категория», а также вовлекает такие понятия как «домен», «фрейм» и «идеализированная когнитивная модель», содержание которых рассматривается нами на примере понятия лжи, объективированного в современном английском языке.

В самом общем виде термин *концепт* может быть определен как «базовая единица ментальной репрезентации» [23:2]. Он служит «объяснению единиц ментальных или психических ресурсов нашего сознания и той информационной структуры, которая отражает знание и опыт человека» [13:90]. Концептуальная сфера, несомненно, шире языковой, поскольку в языке объективированы лишь самые важные для людей понятия [13:91]: «языковые средства необходимы не для существования, а для сообщения концепта» [19:39]. Вербализованный концепт, таким образом, является минимальным «пакетом» информации [8:5], представленным в единицах языка и речи.

Различие между терминами «вербализованный концепт» и «значение» – это различие в подходах к анализу содержательной стороны языкового знака, о котором Е.С. Кубрякова пишет следующее: «несмотря на то, что семантический анализ отдельного слова обнаруживает точки соприкосновения с его концептуальным анализом, их конечные цели нетождественны. Если первый направлен на экспликацию семантической структуры слова, уточнение реализующих ее денотативных, сигнификативных и коннотативных значений, то концептуальный анализ предстает как поиск тех общих концептов, которые подведены под один знак и определяют бытие знака как известной когнитивной структуры» [15:85]. При когнитивном подходе к анализу значения на первый план

выходит его связь со структурами знания, которые по своей сути не являются лингвистическими, но без которых адекватная интерпретация значения невозможна. Так, например, понимание значения слова «шрам» предполагает знание происхождения обозначаемой им сущности: это не только рубец на коже, но и след нанесенной в прошлом раны [26:73], дейктические слова предполагают знание ситуации речевого акта [27:117], а слово «вегетарианец» значимо только в контексте культуры, в которой употребляют в пищу мясо [27:120]. В этом свете истинностные суждения, находящиеся в фокусе внимания формально-логической семантики, и отношения между языковыми знаками, такие как синонимия и антонимия, являющиеся предметом структурно-семантических исследований, «предстают как производные и теоретизированные» [28:235].

Для обозначения совокупности знаний, необходимых для понимания значения, в западной когнитивной семантике употребляется термин «*домен*» [29; 30], в основе которого лежат идеи фреймовой семантики Ч. Филлмора [26; 27; 28]. Знание о домене присутствует в лингвистическом знаке в качестве пресуппозиции. Для системного представления этого знания в лингвистике используются такие модели как фреймы, пропозиции, сети, схемы, схематы, сценарии и скрипты, подробное описание которых можно найти в доступных русскоязычному исследователю авторитетных аналитических обзорах (см., например [8; 13; 16]).

Исследователи употребляют разные термины для обозначения соответствующих понятийных сущностей: Р. Ленекер – профиль (profile) и база (base) [30], Дж. Лакофф – концепт и идеализированная когнитивная модель (idealized cognitive model) [29], но за терминологическими различиями стоит один и тот же принцип, который заключается в следующем. Различные концепты могут соотноситься с одной и той же сущностью, как, например, LIE, LIBEL и PERJURY, но профилируемой относительно разных доменов (фреймов). Так субъект коммуникативного действия, концептуализированного как LIE, выступает

как индивид, LIBEL – как автор клеветнического заявления в печати, а PERJURY – как участник судебного процесса. Говоря в терминах когнитивной семантики, данная понятийная сущность по-разному «конструируется» говорящим. Под термином «конструирование» (construal) в когнитивной семантике понимается не только осмысление конкретной ситуации (ср. концептуализация), но и «выбор выражения для ее отражения и понимания мотивов этого выбора» [13:74].

Для адекватной интерпретации значения лингвистического знака необходимы знания, относящиеся, как правило, не к одному домену, а к нескольким. Их совокупность Р. Ленекер называет *матрицей доменов* (domain matrix) [30:152]. В основе организации матрицы доменов лежит обобщенный принцип, согласно которому домен, в который погружен концепт, т.е. представляющий собой «непосредственный охват» (immediate scope) последнего [31:49], сам профилируется на фоне другого домена. Полный (в пределах границ) объем знаний, необходимых для понимания концепта, называется Р. Ленекером «максимальным охватом» (maximal scope) [там же].

Проиллюстрируем это на примере концепта ЛЕ. Ложь представляет собой намеренное искажение информации, следовательно, концепт ЛЕ профилируется относительно домена информации, который является абстрактным доменом, примарным для данного концепта (primary domain) [30:165]. Домен информации предполагает наличие домена коммуникации, который вовлекает домены деятельности, значения и каналов передачи сообщения. Значение, как отмечают У. Крофт и Д. А. Круз, является базовой областью, поскольку отношения символизации не сводимы более ни к каким другим [25:25].

Каналы передачи сообщения предполагают базовые области слышания и (основным модусом коммуникации является звучащая речь) и видения (письменная коммуникация). Поскольку коммуникация является деятельностью, то в матрицу доменов концепта ЛЕ вовлекаются базовые

домены времени, силы, и каузации, а тот факт, что коммуникативная деятельность осуществляется человеком, вовлекает в нее домен «человек» с его волей, знанием, интенциями и эмоциями. Человек же, в свою очередь, определяется по отношению к другим живым существам, а последние – по отношению к физическим объектам, имеющим материальное существование, а, следовательно, обладающих пространственными характеристиками. Знания, относящиеся к тому или иному домену, активизируются при употреблении языковой единицы *lie* в различных контекстах. Например, в (1) на первый план выходят материальность и дискретность лжи, в (2) – пространственная локализованность, в (3) – протяженность во времени, в (4) – перцептуальная воспринимаемость, в (5) – участие в деятельности в качестве инструмента, в (6) – каузативность, в (7) – одушевленность и т.п.

(1) ... *he announced that he would mix one lie into each lecture.*

(2) *How to keep from being the victims of all the lies that surround them?*

(3) *Was there a deception or lie taking place...?*

(4) ...*the secret that law enforcement is using to spot the lies of the toughest criminals.*

(5) *Lies have always been considered a useful tool in politics.*

(6) *No.6, for example, is a lie that harms no one but helps someone else.*

(7) *Lies have long legs.*

Следует подчеркнуть, что отношения между концептом и доменом – не таксономической природы (часть – целое) [25:26]. Так, например, то, что концепт LIE профилируется относительно домена коммуникации, не означает, что ложь рассматривается как вид информирования, а лишь то, что она представляет такой вид (коммуникативной) деятельности, для понимания которого необходимо и понимание того, что есть информация. Аналогичным образом, то, что в матрицу доменов концепта LIE входят базовые домены

времени, силы, пространства, не означает, что ложь является членом соответствующих категорий.

Фреймовая модель представления знаний, объединенных в домен, является концептуализацией. Это означает, что фрейм представляет собой упрощение реальности, что подчеркивается в термине **«идеализированная когнитивная модель»** (ИКМ), которому отдает предпочтение Дж. Лакофф [29]. ИКМ может быть определена как «модель некоторого фрагмента действительности в сознании человека, созданная на основе усредненного культурно-обусловленного человеческого опыта и для удовлетворения нужд человеческой деятельности в рамках определенной культуры. Идеализируя действительность, ИКМ соответствует ей лишь с прагматически достаточной степенью точности. ИКМ обладает свойствами гештальта, т.е. не сводимого к совокупности своих компонентов организованного целого» [1:174].

В термин «концепт» мы вкладываем содержание, которое соответствует понятию ИКМ. Иными словами, концепт понимается нами как ментальная репрезентация рассматриваемой сущности в идеализированной картине мира. Совокупность же ментальных репрезентаций рассматриваемой сущности в различных типах примарных доменов, отличающихся от ИКМ по отдельным параметрам, образуют **концептуальную категорию**, членами которой являются дискурсивные реализации концепта. Такое понимание соотношения концепта и концептуальной категории созвучно взглядам Дж. Лакоффа, который, основываясь на взглядах Дж. Остина и Л. Виттгенштейна, пишет: «смыслы слова могут рассматриваться как образующие категорию, в которой каждый из них является ее членом» (перевод мой – Е.М.) [29:18].

Представим фрагмент концептуальной категории лжи в английском языке на основе анализа семантики слова *lie*. В словаре Вебстера [3:487] оно определяется следующим образом: **1a**: an assertion of something known or

believed by the speaker to be untrue with intent to deceive; **b**: an untrue or inaccurate statement that may or may not be believed true by the speaker; **2**: something that misleads or deceives; **3**: a charge of lying. В 1a эксплицированы следующие характеристики лжи: (1) вербальный модус коммуникации; (2) знание говорящим истинного положения вещей; (3) намерение говорящего ввести слушающего в заблуждение; (4) несоответствие между содержанием высказывания и ментальной репрезентацией говорящего, с одной стороны, и содержанием высказывания и действительным положением вещей, с другой, что включает все характеристики прототипической лжи [17]. В 1b в фокусе внимания находится лицо, воспринимающее сообщение. При этом уходит на второй план такой параметр как намерение говорящего (3). Иными словами, согласно 1b, сообщение может рассматриваться как ложь, если воспринимающий его человек отмечает несоответствие, сформулированное в (4) и приписывает говорящему соответствующую интенцию независимо от того, имеет ли она место или нет, как в примере ниже:

(7) - *I happen to like apple pie. Which, for your information originated in Bavaria, Germany.*

- *That's a lie. Apple pie is as American as blueberry pie. (N.Simon)*

Таким образом, 1b включает ошибку, которой реципиентом приписывается коммуникативная значимость. В варианте 2 внимание концептуализатора обращено на само действие, а определение лжи распространяется и на неречевые действия, поведение субъекта, т.е. обман: *to act a lie* – обманывать не словами, а поступками [2]; *to live a lie* [1]. В варианте 3 коммуникативное событие лжи подвергается смысловой компрессии и предстает как факт: *to give somebody the lie* – уличать кого-л. во лжи [2].

Таким образом, анализ когнитивной семантики имени существительного *lie* показывает, что объективированная в английском языке концептуальная категория лжи имеет радиальную структуру. Ее ядром

является прототип, или ИКМ лжи (1a), с которым выше рассмотренные дискурсивные реализации связаны отношениями семантического расширения по признаку интенции (1b) и модуса коммуникации (2), а вариант (3) – метонимического переноса. Общая структура концептуальной категории лжи, объективированной в английском языке, несомненно, гораздо сложнее, чем показывает вышеприведенный анализ ее фрагмента. В нее включаются многочисленные дискурсивные реализации, в том числе и не закрепленные в словарях, не только имени существительного *lie*, но его производных, а также синонимов. Ее границы размыты (fuzzy) [35], что означает, что на вопрос, соотносимо ли закрепленное в слове *lie* понятие с конкретным коммуникативным событием, не всегда можно дать однозначный ответ «да / нет». Речь, как правило, идет о его соответствии прототипу в той или иной степени. Если говорящий (S) сообщает нечто (P) слушающему (H), причем (а) P ложно, (б) S уверен, что P ложно, (в) произнося P, S намерен обмануть H, то имеет место прототипическая ложь [24:28]. Если же хотя бы одно из условий не выполняется, то речь идет о маргинальных членах концептуальной категории лжи, для номинации которых в английском языке существуют многочисленные лексические и фразеологические единицы. Смежными с ложью категориями являются обман, непрямота, ошибка и правда, каждая из которых может быть «эксплуатирована» для введения собеседника в заблуждение, что является еще одним подтверждением нечеткости границ между категориями естественного языка.

В заключение отметим, что понимание концепта как прототипа (ИКМ), образующего ядро соответствующей концептуальной категории, в которой системно соотнесены дискурсивные реализации данного концепта, не является общепринятым в восточноевропейской лингвистике (см., например, обзор в [19]). Нередко под концептом исследователями понимается понятийная сущность, определяемая нами как категория. Данные понятия сближает то, что и концепт, и категория формируются в результате

классификационной деятельности человека, но при этом нельзя упускать из виду, что концептуализация и категоризация – различные виды последней. Эти процессы различаются по своему конечному результату: «первый направлен на выделение неких минимальных единиц человеческого опыта в их идеальном содержательном представлении, второй – на объединение единиц, проявляющих в том или ином отношении сходство или характеризующихся как тождественные, в более крупные разряды» [13:93].

Литература

1. Англо-русский словарь по лингвистике и семиотике / Сост.: А. Н. Баранов, Д. О. Добровольский, М. Н. Михайлов, П. Б. Паршин, О. И. Романова; Под ред. А. Н. Баранова и Д. О. Добровольского. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Азбуковник, 2001. – 625 с.
2. Арутюнова Н.Д. Введение // Логический анализ языка. Ментальные действия. – М.: Наука, 1993. – С.3-6.
3. Бессонова О.Л. Оцінний тезаурус англійської мови: когнітивно-гендерні аспекти. – Донецьк: ДонНУ, 2002. – 362 с.
4. Болдырев Н. Н. Когнитивная семантика. Курс лекций. – Тамбов: Изд-во ТГУ. – 2001. – 123 с.
5. Габермас Ю. Дії, мовленнєві акти, мовленнєві інтеракції та життєвий світ / Пер. с нем. // А.М. Єрмоленко. Комунікативна практична філософія. – К.: Лібра, 1999. – 488 с.
6. Грайс Г.П. Логика и речевое общение / Пер. с англ. // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1985. – Вып. XVI: Лингвистическая прагматика. – С.217-237.
7. Демьянков В.З. *Понятие и концепт* в художественной литературе и в научном языке // Вопросы филологии. – 2001. – №1. – С.35-47.
8. Жаботинская С.А. Когнитивная лингвистика: принципы концептуального моделирования // Лінгвістичні студії. Черкаський Державний Університет ім. Б.Хмельницького. – Черкаси: Сіач, 1997. – Вип.2. – С.3-11.
9. Кагановська О.М. Текстові концепти художньої прози (на матеріалі французької романістики середини ХХ сторіччя) – К.: Вид. центр КНЛУ, 2002. – 292 с.
10. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.
11. Красавский Н.А. Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах. –

Волгоград: Перемена, 2001. – 493 с. 12. Красных В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность. – М.: Гнозис, 2003. – 374 с. 13. Краткий словарь когнитивных терминов / Сост.: Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузина / Под общей ред. Е. С. Кубряковой. – М.: Изд-во МГУ, 1996. – 245 с. 14. Кубрякова Е.С. Об одном фрагменте концептуального анализа слова “память” // Логический анализ языка: Культурные концепты. – М.: Наука, 1991. – С. 85-91. 15. Кубрякова Е.С. О современном понимании термина «концепт» в лингвистике и культурологии // Reality, Language and Mind: An International Book of Research Reports. Iss.2 / Ed. by T. A. Fesenko, B. Stefanik, M. Press. – Tambov: Tambov University Press, 2002. – С.2-13. 16. Макаров М. Л. Основы теории дискурса. – М.: Гнозис, 2003. – 280 с. 17. Морозова Е.И. “Lie”: К проблеме определения прототипического значения концепта // Вісник ХДУ. – 1999. – №424. – С.110-113. 18. Павилёнис Р.И. Проблема смысла. Современный логико-философский анализ языка. – М.: Мысль, 1983. – 286 с. 19. Попова З. Д., Стернин И. А. Очерки по когнитивной лингвистике. – Воронеж: Изд-во «Истоки», 2003. – 191 с. 20. Слышкин Г. Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. – М.: Academia, 2000. – 128 с. 21. Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры. Опыт исследования. – М.: Языки русской культуры, 1997. – 824 с. 22. Фесенко Т. А. Принципы когнитивной транслятологии // Reality, Language and Mind: An International Book of Research Reports. Iss.2 / Ed. by T. A. Fesenko, B. Stefanik, M. Press. – Tambov: Tambov University Press, 2002. – С.13-25. 23. Clausner T.C., Croft W. Domains and image schemas // Cognitive Linguistics. – 1999. – Vol. 10, No 1. – P. 1-31. 24. Coleman L., Kay P. Prototype semantics: the English word ‘lie’ // Language. – 1981. – Vol.57, No 1. – P.26-44. 25. Croft W., Cruse A. Cognitive Linguistics. – Cambridge: Cambridge University Press, 2004. – 356 p. 26. Fillmore Ch. J. Scenes-and frames semantics // Linguistic structures processing / Ed. by A. Zampolli. – Amsterdam: North-Holland, 1977. – P.55-81. 27. Fillmore Ch. J. Frame semantics // Linguistics in the morning calm: Selected papers from

the SICOL. – 1982. – Seoul: Hanshin, 1982. – P.111-138. 28. Fillmore Ch. J. Frames and the semantics of understanding // Quaderni di semantica. – 1985. – Vol.6.– P.222-254. 29. Lakoff G. Women, Fire and Dangerous Things: What Categories Reveal about the Mind. – Chicago, London: The University of Chicago Press, 1987. – 614 p. 30. Langacker R.W. Foundations of cognitive grammar: in 2 Vol. – Stanford: Stanford University Press, 1987. – Vol. 1: Theoretical Prerequisites. – 516 p. 31. Langacker R.W. A Dynamic Usage-Based Model // Usage-Based Models of Language / Ed. by M. Barlow, S. Kemmer. – Stanford, California: CSLI Publications, 2000. – P.1-64. 32. Stubbs M. Discourse Analysis: The Sociolinguistic Analysis of Natural Language. – Chicago: University of Chicago Press, 1983. – 272 p. 33. Sweetser E.E. The definition of lie: An examination of the folk models underlying a semantic prototype// Cultural models in language and thought / Ed. by D.C. Holland and N. Quinn. – Cambridge: Cambridge University Press. – 1987. – P.43-66. 34. Tsohatzidis S.L. A few truths about 'lie'// Meanings and prototypes: Studies in linguistics / Ed. by S.L. Tsohatzidis. – N.Y.: Routledge, 1990. – P. 438-447. 35. Zadeh L. Fuzzy sets // Information and Control. – 1965. – No 8.–P.338-352.

Словари

1. Бенсон М., Бенсон Э., Илсон Р. Комбинаторный словарь английского языка – М.: Рус. язык, 1990. – 286 с. 2. Кунин А.В. Англо-русский фразеологический словарь / Лит. ред. М. Д. Литвинова. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Русский язык, 1984. – 942 с. 3. Webster's Seventh New Collegiate Dictionary: A Merriam-Webster.– London: G.Bell& Sons, Springfield, Mass.: G. & C. Merriam, 1971. – 1223 p.